

— Цзыцин, нельзя говорить долго, я ухожу.

Бай Юнь похлопал Бай Цзыцина по плечу, и братья обменялись кивками, после чего Бай Юнь поспешно удалился.

Бай Цзыцин сделал шаг вперёд:

— ...Почему ты в таком виде?

Он, конечно, спрашивал о Цуй Даожуне. Несколько дней не виделись, и этот богатый наследник стал таким потрёпанным? Не только одежда была грязной, но и сам он сильно похудел.

— Не спрашивай.

Цуй Даожун вздохнул.

— Мои дела я расскажу тебе позже. Ты так спешил меня позвать, потому что...

— Погоди.

Бай Цзыцин вдруг прервал его, кивнув Сувэнь, и все трое направились к маленькому пруду у восточной стороны заднего двора. Только тогда Бай Цзыцин заговорил:

— Дело не в этом. Тот Чжан Сюнь, которого ты мне представил, как вы познакомились?

Услышав этот вопрос, Цуй Даожун тоже удивился:

— Да, так, случайно познакомились.

— Какая «случайность»?

Бай Цзыцин настаивал:

— Ты уверен, что с его происхождением всё в порядке?

— С чего такой вопрос?

Цуй Даожун был в недоумении:

— Что не так с братом Сюнем?

— ...Не знаю, вот и спрашиваю.

Бай Цзыцин сделал паузу.

— После начала столичного экзамена вы общались?

— Дай подумать...

Цуй Даожун, скрестив руки, сделал несколько шагов.

— Примерно шесть или семь дней назад он приходил в Башню Сыхэ.

— Что он говорил?

— Ничего особенного...

Цуй Даожун, нахмурившись, подумал.

— Действительно ничего. Цзыцин, что с ним? Что случилось? Почему это связано с ним?

Видя, что Цуй Даожун ничего не понимает, Бай Цзыцин мог только временно убедиться, что Чжан Сюнь не имеет никакого отношения к Ин Цаню.

На самом деле, они действительно не выглядели связанными. Но совпадение было слишком странным, и происшедшее так удачно совпало с ним, что Бай Цзыцин не мог не сомневаться.

Трое стояли в этом единственном месте без света, Сувэнь охраняла их, время было ограничено, но Бай Цзыцин чувствовал, что упустил что-то важное. Что-то застряло в горле, вызывая особый дискомфорт.

— Ладно.

Он наконец вздохнул.

— Это долгая история, я не могу оставаться дольше. Сувэнь, уведи Даожуна.

— Да, господин.

— Тогда мы поговорим в другой раз.

Цуй Даожун кивнул, но перед уходом с беспокойством похлопал Бай Цзыцина по плечу:

— Цзыцин, береги себя.

— ...Тебе бы стоило беречь себя, посмотри на себя.

Бай Цзыцин отстранил его руку.

— Я не могу сказать, когда смогу снова выйти из дворца, нам нужно время.

— Не волнуйся, снаружи всё под контролем. Несколько чайных и винных домов уже в процессе, я попросил Сувэнь притвориться иногородним купцом и инвестировать в наши дела, сказав, что она моя дальняя родственница, отец и несколько партнёров ничего не заподозрили.

Цуй Даожун сказал:

— Не спеши.

Услышав это, Бай Цзыцин не сдержал смеха. В прошлой жизни он долгое время не общался с Цуй Даожуном, и их связь прервалась. А потом он вошёл в дворец...

Те события, которые произошли после его вхождения в дворец, казались больше похожими на чужую историю, а не на его собственную.

— Спасибо, Даожун.

В глазах Бай Цзыцина мелькнул далёкий свет, в них появились искорки чувств. Цуй Даожун, увидев это, махнул рукой, шутя:

— Если ты ещё раз так скажешь, я брошусь на тебя и испачкаю тебя.

— Пожалуйста, только потом заплати за мою одежду.

Бай Цзыцин улыбнулся, наблюдая, как двое уходят под лунным светом, и наконец успокоился. Он вернулся во двор, Сюэ Юдин уже ушёл, Бай Юнь проводил его некоторое время назад, они вышли через главные ворота, а он вернулся через задние и не застал их.

— Чай?

Бай Цзыцин знал, что Ин Цань не отпустит его так просто, он лениво объяснил:

— Чай уже пьётся. Я только сказал, что хочу выйти подышать, не говорил, что принесу его сам.

Ин Цань, подперев подбородок одной рукой, другой листал книгу «Бэймэн соянь»:

— Цзыцин, ты сегодня ещё не поговорил с тётушкой?

— Зачем?

Бай Цзыцин подумал, что это за очередная выходка? Разве он не знает, что у него не было времени поговорить с матерью?

— После ужина тётушка говорила со мной в переднем зале о твоём детстве. Она сказала, что, кроме неё, ты плакал, если кто-то другой брал тебя на руки.

— И что?

— Ты, наверное, не помнишь, но в год рождения моего отца празднование Нового года было отложено, как раз после моего пятилетия...

Ин Цань поднял взгляд на Бай Цзыцина:

— Тебе тогда было чуть больше года, и я был вторым.

— ...Вторым кем?

— Вторым человеком, кто мог взять тебя на руки, и ты не плакал. Поэтому тётушка всегда считала, что у нас с тобой врождённая связь.

Бай Цзыцин сжал губы. Принцесса Чанпин, вероятно, уже легла спать, они завтра утром отправятся во дворец после завтрака, и у него останется последний шанс попрощаться с матерью, поговорить с ней. Бай Цзыцин подумал, что в этот день принцесса Чанпин, вероятно, тоже хотела бы побыть с ним наедине, но он всё время бегал туда-сюда, чем только вызывал её беспокойство.

— Я завтра встану пораньше и пойду попрощаться с матерью.

Сказав это, Бай Цзыцин направился к кровати, но был остановлен Ин Цанем.

— Цзыцин, я даю тебе привилегию свободно выходить из дворца и навещать мать. Как тебе?

— ...Ты серьёзно?

Обещания Ин Цаня всегда были неожиданными, в прошлой жизни так же, как и в этой. Как те иероглифы Ван Сичжи или та мимолётная ложная нежность в день рождения. Бай Цзыцин даже не сразу понял, он застыл на месте, поворачиваясь с деревянными движениями:

— Свободно выходить из дворца?

— Да.

Ин Цань достал из кармана зелёную подвеску с падубом:

— Я издам указ, что с этого момента, если у тебя будет эта подвеска, ты можешь свободно входить и выходить из дворца, но с условием: ночевать вне дворца нельзя.

Эти слова были произнесены с особой акцентуацией, и лицо Ин Цаня было серьёзным. Он подошёл к Бай Цзыцину, остановился перед ним и протянул подвеску.

Бай Цзыцин посмотрел на узоры на подвеске, но не взял её:

— ...Только это условие?

Рука Ин Цаня слегка дрогнула:

— Есть ещё одно.

Он посмотрел на Бай Цзыцина:

— В любое время рядом с тобой должны быть люди. Как в этот раз, когда ты даже не взял слуг, так нельзя.

Сердце Бай Цзыцина вдруг сильно забилося. Он сжал кулак, затем разжал. Он протянул руку и взял подвеску из ладони Ин Цаня. Возможно, его рука была слишком холодной, и он почувствовал, что держит раскалённый уголь, который, кажется, горит по нервным окончаниям прямо к сердцу.

Бай Цзыцин сразу же спрятал подвеску в рукав, он не смог скрыть дыхание, не соответствующее ритму сердца, и только отвёл взгляд:

— Поздно, спать будем.

Ин Цань смотрел прямо на его спину, уголки губ приподнялись:

— Хорошо.

С тех пор, как в Чертоге Ганьлу его насильно уложили спать, Бай Цзыцин, видя, что Ин Цань ведёт себя прилично, больше не отказывался спать с ним отдельно. Сейчас погода на улице была довольно приятной, но ночью температура резко падала, что могло легко вызвать простуду.

В Чертоге Ганьлу было два одеяла, Бай Цзыцин спал у стены, стараясь держаться как можно дальше от Ин Цаня, и одного одеяла было достаточно для тепла. Но в Доме Бай, в его собственной комнате, всегда было только одно одеяло, и его размер... был меньше трети от того, что в Чертоге Ганьлу.

Вероятно, из-за привычек прошлой жизни, Бай Цзыцин после возрождения больше не хотел,

чтобы слуги помогали ему с такими вещами, как умывание или переодевание. Во дворце был Сяо Цзю, знакомый из прошлой жизни, что было не так уж неудобно, но в Доме Бай даже Сувэнь не делала этого.

Бай Цзыцин был сбит с толку странными действиями Ин Цаня, его ум был в беспорядке, и только когда он переоделся и бросился на кровать, привычно прижавшись к стене, он понял, насколько близко были подушки. Если только он не будет всю ночь спать, повернувшись спиной к внешней стороне, то, перевернувшись, он обязательно окажется рядом с Ин Цанем.

— ...Я велю принести ещё одно одеяло.

Бай Цзыцин больше беспокоился о том, чтобы делить одеяло с Ин Цанем, чем о расстоянии.

В комнате как раз был евнух Цинь, он помог Ин Цаню переодеться и спросил Бай Цзыцина:

— Оставьте это слугам, господин, вам холодно ночью?

<http://bllate.org/book/16479/1496818>